

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

**Волкова
Надежда
Павловна —**

кандидат философ-
ских наук, научный
сотрудник сектора
античной и средне-
вековой философии
и науки Института
философии РАН.
Институт философии
РАН. Электронная
почта:

go2nadya@gmail.com

**Гагинский
Алексей**

Михайлович —
кандидат философ-
ских наук, научный
сотрудник сектора
философии религии
Института филосо-
фии РАН. Институт
философии РАН.

Электронная почта:
algaginsky@gmail.com

Синеокая

Юлия

Вадимовна —

доктор философских
наук, профессор
РАН, заведующая
сектором истории за-
падной философии.
Институт философии
РАН. Электронная
почта:

sineokaya@iph.ras.ru

ОТКРЫВАЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ НОВОЕ?

DOI: 10.31857/S023620070002347-8

Участники: Н.П. Волкова © 2018, А.М. Гагинский © 2018

Организатор проекта и ведущая — Ю.В. Синеокая

Ю.В. Синеокая. Дорогие коллеги, тема сегодняшней нашей встречи в цикле “Реплики”, совместного проекта Института философии Российской академии наук и библиотеки им. Ф.М. Достоевского “Анатомия философии”, звучит провокативно. Действительно, открывает ли философия нечто новое или ходит по кругу неразрешимых, “философских”, вопросов? Существует ли приращение философского знания? Устаивают ли философские учения и концепции? Может ли философия пригодиться людям в их повседневной жизни? Да и вообще, нужна ли философия сегодня, а если нужна, то зачем, что может она привнести нового в жизнь наших современников? Эти вопросы не принято задавать в уважаемом философском сообществе, но они время от времени встают перед философами со всей остротой. Тема сегодняшней дискуссии представляется мне интересной еще и потому, что апеллирует к истокам философского знания, предполагает разговор о том, над чем работали философы прошлых эпох. На мой взгляд, очень важно и символично то, что эту тему подняли совсем молодые исследователи, сотрудники нашего института, работающие в двух популярных и общепризнанных направлениях философского знания. Надежда Павловна Волкова — кандидат философских наук, сотрудник сектора античной и средневековой философии и науки Института философии РАН, и Алексей Михайлович Гагинский — кандидат философских наук, сотрудник сектора философии религии Института философии РАН.

Н.П. Волкова. Спасибо, Юлия Вадимовна! В самом деле, я испытываю определенное смущение, говоря на такую сложную тему. Но я считала нужным поднять этот вопрос, поскольку он помогает понять, чего нам ждать от прочтения философского текста. Прежде всего я хотела бы сказать о том, что такое “философский” вопрос и как его можно поставить. В обычном языке вопрос называют философским тогда, когда он носит риторический характер, то есть не требует ответа. Один из самых популярных примеров такого вопроса — это вопрос Пилата Христу: “Что есть истина?” Такой вопрос не предполагает отве-

та, его не ожидают получить. В философии философский вопрос означает нечто совершенно иное.

Разберемся сначала с тем, почему речь идет именно о вопросе. Почему мы имеем дело с вопросами и ответами, а не с какой-то иной формой высказываний? Философия — греческое открытие и изобретение, поэтому мы можем сослаться на авторитеты греческих философов. Во-первых, на Сократа, предложившего свой знаменитый майевтический метод, “повивальное искусство”. Метод майевтики засвидетельствован у Платона в диалоге “*Тэтет*”.

Вероятно, он восходит к учению исторического Сократа, подтверждением чему может служить реплика о выкидыше мысли в комедии Аристофана “Облака”. Смысл майевтического искусства — в правильном вопрошании, благодаря которому рождается знание в том, кого вопрошанию подвергают. Обратите внимание, что ремесло, именно ремесло (!), Сократа не учительство, Сократ никого ничему не учит, о чем прямо заявляет на суде в “Апологии”. Его ремесло сродни повивальному искусству, искусству помощи в родах, которым занималась его мать Фенарета. Сократ говорит, что “от меня они ничему не могут научиться, просто сами в себе они открывают много прекрасного, если, конечно, имели, и производят его на свет. Повития же этого виновники — бог и я” (150d)¹. Сократ помогает рождению мысли и делает это с помощью вопросов. “Самое же великое в нашем искусстве — то, что мы можем разными способами допытываться, рождает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод” (150c). Во-вторых, мы можем опереться на авторитет Платона, сделавшего диалог литературной формой философии. Открытие диалога, вопрошания как основного философского метода не случайность и не прихоть Сократа или Платона. Вопрошание отвечает самой сути нашей познавательной способности. Почему мы всегда спрашиваем “почему”? Понять это помогает Аристотель, показавший, каким образом устроено всякое вопрошание. Если мы хотим узнать о вещи, что она такое, то мы должны узнать ее причину, говорит Аристотель. И наглядно поясняет это во второй книге “Второй аналитики”. Есть всего 4 вида искомого: «Во-первых, “что”, то есть мы ищем определение, во-вторых, “почему”, мы ищем причину, в-третьих, “есть ли”, то есть существует ли, и, в-четвертых, “что есть”, то есть что это такое есть»² (An. Post. II 89 b 20-25). Сначала мы видим, что нечто есть, и только потом спрашиваем, что это есть. Когда мы знаем, что вот это есть, то мы спрашиваем причину, почему это так.

Н.П. Волкова

¹ Цитаты Платона здесь и далее приводятся по Собранию сочинений.

² Цитаты Аристотеля здесь и далее приводятся по Собранию сочинений.

То есть когда мы выяснили, что вещь есть и что она есть, мы спрашиваем, почему она есть или что она такое? Например, если мы видим затмение Луны, то спрашиваем, почему Луна затмевается? Тогда знание о том, что такое лунное затмение и причина, почему оно происходит, с очевидностью совпадают.

Как же поставить философский вопрос? Философский вопрос не выдумывается, не изобретается, а открывается философией в рамках уже имеющейся системы знаний. Но это вопрос не о содержании знания, а о форме знания. Почему это так? Приведу в качестве примера размышления Аристотеля. Аристотель занимается проблемой начала теоретических наук. Теоретические науки, а точнее *φιλοσοφαι θεωρητικά*, то есть теоретические философии, отличаются друг от друга не способом доказательства, а изучаемым предметом. Согласно книге *Ε Μεταφυσικῆς*, всего таких наук три — физика, математика и первая философия, она же теология (*Met.* E 1026 a 18-22). Каждая из них имеет своим предметом один из родов сущности. Физика занимается чувственно воспринимаемой сущностью, которая имеет в себе самой начало движения и покоя, математика — математическими сущностями, которые неподвижны, но не существуют самостоятельно, и, наконец, первая философия имеет дело с неподвижной и существующей самостоятельно сущностью. Исходя из аристотелевского способа деления наук ясно, что каждая наука берется изучать только некоторую часть сущего. Но как это возможно? Чтобы выделить какую-то часть сущего, надо сначала ответить на вопрос, что такое это сущее вообще, а затем — есть ли у него части, на которые оно могло бы быть разделено. Сами теоретические науки не имеют дела с сущим как таковым, утверждает Аристотель в книге *Ε Μεταφυσικῆς*. Под сущим вообще (*ἄπλῶς*), или, лучше сказать, безотносительно, Аристотель понимает “сущее, поскольку оно сущее”. Оказывается, что этот вопрос не находится в ведении ни одной из теоретических наук, поскольку устройство теоретической науки таково, что она всегда исходит из истинных посылок. Эта истинная посылка представлена в доказательстве как недоказуемое определение. Наличие истинной посылки как основания знания совершенно необходимо. Незнание в вопросе о начале поставит под сомнение все здание теоретической науки. Если посылка неверна, никакого знания мы не получим, мы окажемся в плену мнимого знания о мнимых вещах. Откуда же тогда может быть получена первая посылка? Аристотель полагает, что всякое знание предполагает уже имеющееся знание. “Всякое обучение и всякое основанное на размышлении учение возникает из ранее имеющегося знания” (*An. Post.* I 71 a 1-2). Аристотель говорит здесь об известном парадоксе знания, сформулированном Платоном в “Меноне”: для того чтобы что-то знать, необходимо заранее уже иметь знание об этом. Почему это так? В обыденном смысле — это довольно понятно, потому что чтобы о чем-то спросить, надо предположить, то есть заранее знать,

что нечто такое вот есть, иначе не будешь спрашивать, нельзя найти то, не зная, что. Еще более очевиден этот парадокс в отношении теоретического знания. Поскольку, как показал Аристотель, истинную посылку нельзя доказать, то ее нужно иметь, то есть заранее знать! Причем, согласно Аристотелю, нужно ее знать двояко. Вопрос, таким образом, распадается на две части: на вопрос о том, что это такое и *есть* ли оно. Иногда достаточно знать только смысл определения, иногда — только, что это есть, а в некоторых случаях нужно знать и то и другое.

Поскольку Аристотель видит возможность разделить вопрос о значении предмета и его существовании, оказывается возможным поставить вопрос о сущем, поскольку оно сущее — о сущем как таковом. Как можно ответить на этот вопрос? Частные науки дать такой ответ не могут. Прежде всего с методологической точки зрения, потому что ответ не может быть получен путем доказательств, о чем было сказано выше. Начала аподиктических наук должны быть невыводным знанием. Чтобы знание, которое получается в результате использования силлогизма, обладало достоверностью, необходимо, чтобы знание посылки было более ясным и отчетливым, чем знание о том, что из нее выведено. В книге *Г. Метафизики* Аристотель ищет науку, исследующую сущее как таковое, а также то, что ему присуще само по себе. Вопрос о существовании сущего, конечно, пример философского вопроса, решение которого требует особой формы знания, специальной науки — неаподиктической.

Ту же логику философского вопрошания можно найти у Платона. Например, в “Софисте”, когда Платон, как и Аристотель, отыскивает начало бытия и мышления. В этом диалоге, пытаясь найти определение софиста, Теэтет и Чужеземец из Элеи подошли к вопросу о том, что такое небытие и как можно его определить, потому что софист — это тот, кто лжет, то есть говорит о том, чего нет. Они пришли к выводу, что небытие нельзя ни помыслить, ни высказать, потому что небытию нельзя ничего приписать. Однако это также означает, что небытие нельзя опровергнуть, нельзя сказать, что небытия нет. И тут же они столкнулись с еще большей проблемой — с невозможностью говорить и мыслить о самом бытии. Никакое имя, никакая мысль, оставаясь словом или мыслью, не может мыслить бытие или говорить о бытии, потому что тем самым они оказались бы вне бытия — ведь мысль и имя отличны от того, о чем эти мысль и имя. Оказывается, что для того чтобы быть, мысль и слово не должны отличаться от бытия. Но если мысль и имя совпадают с бытием, ничем не отличаются от бытия, то они перестанут быть мыслью и словом, ведь они не будут уже говорить о бытии. “Кто допускает имя, отличное от вещи, тот говорит, конечно, о двойственном... а если он принимает имя вещи за то же, что есть она сама, он будет вынужден либо произнести имя ничего, либо, если он назовет имя как имя чего-то, то получит-ся только имя имени, а не чего-либо другого” (244 d). Такова

апория мысли и бытия в “Софисте” Платона. Оказывается, что мышление и язык невозможны, находятся ли они в бытии или вне бытия. Платон приходит к апории, непреодолимому препятствию мыслить о бытии. Если Аристотель приходит к апории знания и бытия исходя из анализа научного знания, оказалось, что аподиктическое знание не может познать самого важного — начала знания, ответить на вопрос о том, что такое сущее как таковое, то Платон движется в русле проблематики, заданной Парменидом о единстве бытия, выясняя сократическим методом способ этого единства. Если бытие только едино, или, как Платон формулирует ту же проблему в “Пармениде” на примере самого единого, если единое только едино, то не будет никакой мысли, никакого слова о нем.

Что же делать? Отменять мышление? Отказаться от наук? Нет. Вот тут-то и наступает время философского ответа. Хочу обратить внимание на то, что ответ на философский вопрос не снимает и не решает апорию. Если рассуждать строго, как это делает Платон в процитированном отрывке, мышление невозможно! Нельзя быть вне бытия. И тем не менее мы мыслим. Как это возможно? Чтобы мысль и слово были как-то возможны, Платон предлагает определить бытие как *dύναμις* (“Софист” 247 d8 — e4). Вот он говорит: “Я утверждаю теперь, что все, обладающее по своей природе способностью либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз, — все это действительно существует. Я даю такое определение существующего: оно есть не что иное, как способность”. Это определение бытия как силы позволяет Платону сделать бытие мыслимым, а мысль существующей. Познавать означает действовать, а быть познаваемым — испытывать воздействие. “Если познавать значит как-то действовать, то предмету познания, напротив, необходимо страдать”. Таким образом, бытие, согласно этому рассуждению, познаваемо познанием. Причем у Платона ум оказывается активным началом, воздействующим на бытие. Но нужно помнить, что речь в данном случае идет не о бытии как таковом, не о бытии самом по себе, которое осталось вне мысли, отменяющим саму мысль, а о бытии как предмете мысли, о мыслимом бытии. Ум и бытие оказываются двумя сторонами одной силы, поскольку воздействие невозможно без претерпевания, а претерпевание — без воздействия. Причем, как отмечает Анатолий Валерианович Ахутин в “Чтении *Тезета*” [3], бытие как взаимодействие онтологически первичнее и действующего и страдающего, поскольку только во взаимодействии ум становится умом (ведь как можно быть умом и не мыслить бытие?), а бытие бытием. Что делает Платон, отвечая так? Снимает противоречие? Преодолевает апорию? Нет. Он создает новый способ мышления, внутри которого уже нет этой старой апории бытия и мышления. В нем бытие и мышление представлены как единое целое.

Собственно, это философский путь приведения мышления к бытию, возвращения мысли бытию через апоорию — то, о чем нам впервые поведал Парменид в свое поэме.

А.М. Гагинский. Можно я продолжу?

Н.П. Волкова. Да, конечно!

А.М. Гагинский. В таком случае я буду выступать против двух тезисов: во-первых, что философия *не открывает нового*, во-вторых, что в философии *нет развития*, то есть прогресса. Оба тезиса достаточно популярны, поэтому аргументов против моей позиции имеется предостаточно. Например, утверждается, что философия сродни поэзии и искусству, о которых странно было бы говорить в терминах поступательного развития от худшего к лучшему. Поэтому в современной философии нельзя найти ничего нового, чего не было бы уже, например, в Античности.

Признавая определенную правоту этой позиции, я все же хочу поставить под сомнение ее основной посыл и сказать, что творчество и наука — а философия есть синтез того и другого, — совершенно *немыслимы без открытий и движения вперед*, без того, что можно было бы назвать прогрессом. Более того, я полагаю, что тезис об отсутствии развития и появления нового крайне вреден для философии, что особенно актуально в эпоху прагматизма. Вспомним известный афоризм: “Польза философии не доказана, а вред от нее возможен”. Характерно, что сегодня никто не говорит такого о физике, биологии или математике, тогда как философия вынуждена оправдываться.

Представим себе какого-нибудь чиновника, который рассуждает следующим образом: «Если философия не дает нового знания, то зачем она вообще нужна? То, что было, мы и так знаем, нам гораздо важнее понять то, что будет. Ведь даже такая “сухая” наука, как математика, не лишена открытий и новизны. А если философия не открывает нового, то ее удел — прошлое, стало быть, там ей и место. Зачем мы будем тратить на нее средства из госбюджета...» Так подумает этот гипотетический чиновник и предложит законопроект о закрытии философских факультетов в России. Хуже того, сделав так, он почувствует себя в тренде — и будет до некоторой степени прав! Ведь если философия не открывает нового, если философия есть некая интеллектуальная мумия, а ее удел — хождение по граблям, то зачем она нужна?! Достаточно факультета истории или культурологии. Если сущность философии *действительно в этом*, то наш чиновник окажется прав.

А.М. Гагинский

Более того, если философия не открывает нового, то философии *уже* не существует. Она была когда-то, во времена Платона и Аристотеля, Фома и Дунс Скота, Канта и Гегеля, а теперь ее нет, есть только история философии, — *философоведе-ние, но не философия*. И задача философоведов сводится к повторению чужих мыслей и уточнению друг друга. Но в таком случае следует честно спросить себя: для чего обществу нужна прослойка таких повторителей?

Кстати, один уважаемый коллега всерьез предлагал переименовать “Институт философии” в “Институт философоведе-ния”. Действительно, если мы не в состоянии генерировать новые идеи, если мы не можем подняться на уровень настоящего философствования, проще говоря, если мы не можем открывать новое, а способны лишь изучать то, что сказали древние, то зачем нам обманывать себя и носить это благородное имя “Институт философии”?

Но так ли это? И неужели мы окончательно разочаровались в себе? Я — нет! Поэтому напомним слова капитана Врунгеля: “Как вы яхту назовете, так она и поплывет”.

Я думаю, Стивен Хокинг согласился бы с таким переименованием. Я понятия не имею, что известный физик знает о философии⁴, но недавно он заявил, что философия мертва: “Большинство из нас не беспокоится об этих вопросах большую часть времени. Но все должны время от времени спрашивать себя: почему мы здесь? Откуда мы пришли? Традиционно, эти вопросы ставит перед нами философия, но философия мертва. Философы не идут в ногу с современными достижениями в области науки. Особенно это касается физики”. После этого Хокинг добавил, что “ученые теперь несут факел открытия в нашем стремлении к знаниям”⁵.

“Хорошо сказал” — подумает наш гипотетический чиновник.

И ведь ничего крамольного в словах Хокинга нет, он лишь полагает, что философия не открывает ничего нового, а потому не идет в ногу со временем. Увы, некоторые философы дают основание так думать. Но я глубоко убежден, что это ошибочно. И это подводит нас к теме *ответственности*, которую берет на себя мыслитель.

Философ ответствен за то, что он делает, а дело философа есть мышление.

Говоря о том, что философия не открывает нового, мы тем самым снимаем с себя ответственность *философствования*, по сути говоря, мы тем самым отказываемся мыслить. Да, открывать новое сложно, наверное, не каждому дано, но нужно стремиться к этому. Подобно солдату, который не мечтает стать генералом, или спортсмену, который не стремится побить рекорд, мыслитель, который не пытается открывать новое, ограничивая себя кругом определенных тем, просто-напросто отказывается быть *философом*, отказывается от возможности *мыслить*. Он снимает с себя ответственность, к которой он призван.

⁴ Беседа состоялась до кончины С. Хокинга. — Ред.
⁵ URL: <https://www.yuga.ru/news/228045/> (дата обращения: 26.04.2017).

Здесь нужно спросить себя, почему Платон и Аристотель были новаторами, почему они открывали новое, а мы — нет. Получается, не только не можем, но даже и не должны. Что, “древние были лучше нас и обитали ближе к богам”⁶, как говорил Платон. Не самое удачное оправдание.

Повторять на иной лад то, что открыли другие, — не значит мыслить. Говорить, что философия не открывает нового, значит ограничивать ее. Но можно ли положить границы мышлению? Как можно ограничить творчество? Разве творческое мышление не открыто прозрениям и озарениям?

Философоведу не нужно мыслить, его работа — изучать. А гений — это порох, как однажды сказал Ф. Ницше, — он должен взрывать. Мыслитель берет на себя ответственность мыслить, насколько это в его силах, иначе он напрасно ест свой хлеб.

Если такова задача философа, то нужно прояснить, что такое философия.

Ограничивать философию — ибо тезис об отсутствии нового в философии есть именно ограничение, — можно только при определенном истолковании самой сущности философии. В самом деле, если философия — это история философии, то, конечно, ничего нового она нам дать не может, потому что мы изначально рассматриваем ее ретроспективно. Но если понимать философию как *научное творчество*, то какие могут быть причины отказывать ей в новаторстве, креативности, прорывах и гениальных прозрениях? Я полагаю, что никаких.

Почему, кстати, не существует какого-либо общепринятого определения философии? Да именно потому, что философия не есть что-то застывшее и неизменное, историческое и ретроспективное. Напротив, она спонтанна, неожиданна, несвоевременна. Но может быть, сам предмет философии как-то ограничивает ее? Однако у философии нет какого-то определенного предмета, за рамки которого она не может выйти. Поэтому она и неопределима.

К сожалению, здесь есть одна проблема: философы зачастую сами загоняют себя в историко-философское гетто. Это происходит потому, в частности, что обучение на философских факультетах строится так, чтобы студент умел читать и исследовать мысли других людей, а такая система не способствует развитию креативности, вследствие чего философия оказывается в изоляции. Прежде всего в изоляции от других наук. Дело в том, что философия на протяжении столетий сдавала рубежи, теряя космологию, биологию, физику, антропологию. Те разделы науки, которые прежде входили в ее состав, постепенно обособливались от философии и развивались самостоятельно. В результате у философов осталась лишь история философии — область, на которую никакая другая наука не претендует, ввиду чего философ чувствует себя в ней сравнительно спокойно. В самом деле, трудно с помощью чистого разума — главного

⁶ Платон. Филеб
16 с.

инструмента философа — спорить с экспериментальными науками. Впрочем, ничто не мешает и философии включить эксперимент в число своих методов работы. Ведь успехи естественных наук — это и успехи философии. Во-первых, потому что естественные науки исторически вышли из философии. Во-вторых, потому что философия может пользоваться достижениями естественных наук. То, что открыто человечеством, — всеобщее достояние. Поэтому, строго говоря, в философии нет ограничения предмета исследования, философ волен обращать свой взор на что угодно, если только он настоящий философ и у него достанет сил справиться с поставленной задачей. Философия словно делегировала полномочия естественным наукам изучать ту или иную область сущего, о которой раньше размышляли философы. И надо сказать, что науки исправно исполняют свою задачу. Так что философия даже не поспевает за ними.

К счастью, философия не сводится к истории философии. Глядя на то, чем занимаются философы, с некоторой долей условности можно выделить три рубрики, которые характеризуют различные типы философов:

1. Мышление о мыслителях: те, кто пишет о философах и излагает их мысли.

2. Мышление об идеях: те, кто занимается какими-то теоретическими вопросами.

3. Мышление о вещах: те, кто объясняют и изменяют сам мир.

Строгой границы между этими рубриками нет, поэтому данное разделение весьма условно. Например, слово “бытие” — это точка, в которой сходятся идея и реальность, то есть по форме — это абстрактное понятие, а по содержанию — все, что существует; поэтому онтологи находятся в пунктах 2 и 3 одновременно, а когда они пишут еще и об Аристотеле, например, то занимают все пункты сразу.

Вместе с тем данное разделение все же фиксирует фактическое положение дел в философском цехе, потому что есть те, кто не выходит ни на второй, ни на третий уровни. При этом я рассматриваю это деление иерархически, в связи с чем готов согласиться, что с точки зрения философоведов, который занят мышлением о мыслителях, философия может и не открывать нового. Хотя и тут можно поспорить, достаточно посмотреть на историю философии, чтобы увидеть: те мыслители, которые вошли в историю, открывали что-то новое, были оригинальны, смогли помыслить что-то важное.

Чтобы мои слова не показались слишком отвлеченными, нелишним будет добавить немного конкретики.

Было время, когда философии не было. Самим фактом своего возникновения философия свидетельствует о том, что она не есть нечто неизменное. Появление философии — само по себе было чем-то новым. От зачаточных форм философия довольно быстро переходит к развитой аксиоматике, которая на долгие ве-

ка определяет круг философских тем и методологию философского исследования. Однако на смену одной эпохе приходит другая. Конечно, между ними есть определенное преемство, но есть и существенные различия. Античная философия во многих отношениях определяет способ философствования, но чем дальше мы уходим от этой эпохи, тем более становимся от нее свободными. Уже хотя потому, что древняя философия нам становится все более и более непонятной и в силу этого мы вынуждены продвигать работу по объяснению мира заново, мы вынуждены заново создавать понятия, которые будут продуктивны и понятны как нам самим, так и грядущим поколениям. Говорят, что первые философы были лучшими, мы до сих пор можем многому у них научиться. И это справедливо, но лишь до тех пор, пока мы сами не станем первыми, пока мы не откроем что-то новое — тогда и мы станем лучшими. Ибо лучшие — как раз первооткрыватели, они задают направление всем последующим поискам, они создают тот теоретический каркас, в рамках которого будут мыслить те, кто последует за первыми.

Так, физика Аристотеля господствовала 2000 лет, и лишь в Новое время европейцы смогли ее преодолеть. И неужели у нас повернется язык сказать, что И. Ньютон, написавший “Математические начала натуральной философии”, не открыл ничего нового по сравнению с Аристотелем? Я полагаю, так же обстоит дело и в плане метафизики — XX в. прошел под знаком кризиса метафизики, но это значит лишь то, что нас больше не удовлетворяет старая метафизика — пришла пора создавать новую. И я верю, что когда-нибудь мы сможем пойти дальше греков. Например, греки дали нам понятие истины и европейская культура до сих пор считает его базовым и необходимым. И это правильно. Однако тот концептуальный аппарат, который разработали греческие мыслители, никоим образом не обязывает нас принимать тезис о том, что это *philosophia perennis*, т.е. вечная философия, под которой понимается, как правило, античная и средневековая интеллектуальная традиция. Глубина греческой мысли невероятна, но мы вольны пойти дальше — мы вольны создать новую метафизику. Ведь хотя греки и дали нам понятие истины, однако ни они, ни мы до сих пор не знаем, что это такое. Я имею в виду следующее. Греки поняли, что истина есть соответствие мысли и предмета, так они смогли вызволить “мышление из обмана воображения”, и это был большой шаг вперед. Но теперь мы видим, что такое понятие истины ретроспективно, оно фиксирует лишь то, что нам и так известно, при этом оно не обладает возможностью прогнозирования. Поэтому современная эпистемология стремится пойти дальше.

Н.П. Волкова. Тут я поддерживаю Алексея Михайловича. Неправильно сводить философию к истории философии. Неправильно говорить, что нужно изучать великие системы древних, или просто признанных философов, и при этом не пытаться занять какую-то собственную позицию в этом вопросе. Нехоро-

шо вслепую излагать их мнения. Первое, что мы должны понять, это то, что философы пытались сделать, — они пытались нас воспитывать. И здесь я все-таки вернусь к своим любимым грекам. Первый человек, который отчетливо формулирует в качестве задачи философии воспитание, — Сократ. Он утверждает парадоксальную вещь, что, с одной стороны, философия не может ничему научить, а с другой — именно философ, единственный, кто может позволить родиться самой мысли в другом человеке. Исходя из этого, можно смело утверждать, что философия всегда будет жива. Когда мы читаем философский текст, в нас рождается та самая философская мысль. И вот она-то и будет тем новым, которое мы искали. А вот претензия некоторых людей вернуть в философию то, что она “раздала” частным наукам, согласно Аристотелю, вряд ли может быть удовлетворена. Науки слишком сильны, открытые ими горизонты слишком далеки. Даже в рамках одной и той же науки, например физики, возникло столько различных отраслей знания, физика волновых процессов очень далека от физики твердого тела, так что ученые зачастую сами не знают, не могут понять, чем занимаются их коллеги.

Мир может измениться, причем он может измениться к худшему. Вы правильно сказали, что было время, когда не было философии, не было науки. Это были темные века в том смысле, что мысль как бы не узнавала себя, не находила своего места в человеке. Такое положение дел вполне может повториться. Нет никаких гарантий, что философия, появившись однажды, будет существовать всегда. Чтобы философия продолжала быть, должен быть философ. Философы — уникальные, редкие умы, например, стоики говорили, что философ, как птица феникс, рождается раз в пятьсот лет. Еще раз повторяюсь, неправильно думать, что философия выдумывает — она не выдумывает, не фантазирует, хотя бы потому что то, о чем идет речь слишком ответственно. В чем, например, ответственность философии по отношению к науке? С позиции Аристотеля, когда философия решает, что будет предметом знания частной науки, она дает ей истинную посылку — тот фундамент, на котором будет возведено здание науки. То есть философия дает науке ее основание. Философ каждый раз начинает сначала, с самых оснований. Чтобы начать сначала, чтобы проверить прочность всех оснований, нужен особенный ум, сравнимый с Платоном и Аристотелем. Это должен быть человек выдающийся...

А.М. Гагинский. И я должен добавить, что он должен быть дерзновенным. Причем это может быть и философская школа...

Как известно, прежние философы старались объяснить мир, а задача заключается в том, чтобы его изменить. Однако надо признаться, что первые попытки изменили мир не в самую лучшую сторону. И для того чтобы менять мир не в худшую сторону, мы должны предложить более глубокое понятие истины, более обоснованные этические доктрины, более основательные

социальные концепции. А пока что мы во многом находимся в плену греческого гения.

Короче говоря, две с половиной тысячи лет назад философия создала определенный концептуальный каркас, но он не является неизменным. Философы принимали его как данность вплоть до XIX века, потому что представление о человеке было статичным. А именно, прежние философы полагали, — это хорошо видно на примере Аристотеля, Руссо или Канта, — что человек есть нечто неизменное, тогда как теперь — после Дарвина и Маркса — мы видим, что человек есть существо становящееся, что человек меняется. Ницше выразил это словами “человек есть нечто, что следует преодолеть”, Сартр понял это как то, что “существование предшествует сущности”. Все они, каждый на свой лад, выражали евангельский императив: “будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5.48). Впрочем, они не догадывались об этом...

Философия отвечает потребностям человека, но если человек меняется, то меняется и философия. И здесь возможны три подхода: если человек есть образ Божий, то он — творец, он творит новое по образу создавшего его; “се, творю все новое” (Откр. 21.5); если человек — венец эволюции, то опять-таки — творец, перед ним открыты горизонты творческой эволюции, как сказал А. Бергсон: “Эволюция есть непрерывно возобновляющееся творчество”; если и то, и другое — все равно творец.

Теперь, если обратиться к конкретным философским темам, то можно увидеть, что ни одна из них не осталась неизменной с древних времен. Каждый философский термин имеет свою историю. Например, история онтологии начинается с тезиса Парменида о том, что “бытие есть, а небытия нет”, при этом он полагал, что бытие есть некая сферическая материальная глыба. Вся дальнейшая история есть уточнение нашего понимания бытия, она есть развитие онтологии. Парменида уточняет Платон, Платона — Аристотель, важные открытия в области онтологии делают схоласты, например Дунс Скот (унивокация бытия), затем важный шаг делает И. Кант (бытие как полагание), сравнительно недавно — М. Хайдеггер (онтологическая дифференция) и др. Другой пример — то, как из античных предпосылок появляется средневековое учение о трансценденциях. В данном случае хорошо видно, как появляется новое, эмерджентное свойство — то, чего прежде не было. Еще один пример: Д. Юм осознает невыводимость должного из сущего. “Коперниканская революция” Канта также была своего рода прозрением. Примеры можно множить.

Итак, прогресс в философии неспешен, едва заметен, как эволюция, но на этом пути бывают и резкие скачки, которые освещают путь другим мыслителям на долгие десятилетия вперед. Как и в естественных науках, хотя и иным образом, многие философские предположения со временем фальсифицируются,

Открывает ли философия новое?

⁷ См.: [18].

но остается какой-то процент, который пополняет сокровищницу наших знаний.

Н.П. Волкова. Здесь я принципиально не согласна, я думаю, что философия не так развивается. Философы должны каждый раз начинать с начала. Почему в качестве предмета спора выбрано “бытие”? Исторически этот спор о бытии начал Парменид, продолжили Платон и Аристотель. Бытие, как кажется, первое и самое простое, с чем мы имеем дело. И вдруг оказывается, что мы не знаем, что значит “быть”. Должны ли мы сегодня продолжить спор о бытии, то есть опять начать с самого начала? Если следовать Хайдеггеру, должны. А если говорить о приращении знания в философии, то это будет не такое приращение, как в науке.

А.М. Гагинский. Позволю себе не согласиться. Аристотель начинает “Метафизику” с критики предшествующих философов, он показывает, что они ошибались, а он понял гораздо лучше. В “Физике” он опровергает Парменида. То есть, речь идет о том, что философы постепенно уточняют свои знания о каком-то предмете. И в этом нет ничего удивительного.

Н.П. Волкова. Но почему это уточнение, а не опровержение?

А.М. Гагинский. Потому что никто не отменяет понятие бытия. Парменид мыслил его неверно, а Хайдеггер гораздо лучше. Правда, то, что Хайдеггер потом из этого сделал — туман о бытии, — мы оставим за скобками. Но онтологическое различие, различие бытия и сущего — это очень важная, как мне кажется, новация. Конечно, тут и платоники постарались, и Хайдеггер опирался на традицию, но он сделал это центральным пунктом своей философии, чего не делал никто прежде.

Н.П. Волкова. Платон говорит о “гигантомахии”, о поединке богов и титанов. Последователи Парменида, согласно Платону, боги, а не гиганты, гиганты — дети земли — их идейные оппоненты. Для Платона Парменид — отец.

А.М. Гагинский. Я напомним, что Платон говорит об отцеубийстве, он убивает отца нашего Парменида, он показал, что Парменид был неправ.

Н.П. Волкова. Но это значит, что нет никакого развития, если с Парменидом надо покончить.

А.М. Гагинский. Но есть преемство тем.

Ю.В. Синеокая. Давайте волевым усилием завершим диалог и обратимся к нашим слушателям. Пожалуйста, ваши вопросы и реплики.

Вопрос. Если мы уточняем наши знания, то почему в физике нельзя быть сторонником теории флогистона?

А.М. Гагинский. Давайте я отвечу на вопрос, который был ко мне адресован. Почему нельзя быть сторонником теории флогистона? Во-первых, в философии тоже есть такая ситуация. Но физика ведь не сводится к отрицанию фальсифицированных гипотез, мы не признаем теорию эфира или теплорода, но многие концепции, которые были до этого, остаются, ведь

физика развивается так: 99% идей отбрасывается, а 1% остается. И этот процент постоянно аккумулируется, но остается неизменным. Что-то остается верным из Ньютона, что-то со времен Эвклида мы не опровергаем. То есть какие-то вещи отвергаем, а остальные мы пересматриваем, уточняем, некоторые просто остаются неизменными. Здесь три области: то, что верифицируется, то, что фальсифицируется и то, что обсуждается. Я бы так ответил на ваш вопрос.

Вопрос (продолжение). Позвольте с вами не согласиться. Можно быть сторонником какого угодно философа древности и при этом чувствовать себя прекрасно. А в физике нельзя быть сторонником тех идей, которые были опровергнуты. Потому что в философии невозможно ничего опровергнуть. Все ответы, которые дает философия, нефальсифицируемы. Так, может быть, философия просто концептуализирует какое-либо положение дел, иногда она просто неверно концептуализирует, она ставит псевдопроблему и не может ее решить, ведь из неверной посылки следует какое угодно следствие.

А.М. Гагинский. Почему философия не дает ответов на свои вопросы? Потому что вопросы эти всегда несвоевременны, обращены к будущему. Если древний философ спрашивает, что такое “космос”, то в VI—V вв. до РХ нельзя было ответить на этот вопрос. Сейчас мы более или менее справились с ответом, у нас есть фотографии с телескопа “Хаббл”, но тогда это нельзя было открыть. Сейчас мы ставим вопрос о том, что такое сознание, иначе называемый “трудная проблема сознания”. Получается, что сейчас средствами науки мы не можем решить этот вопрос. Во всяком случае, когда в ИФ РАН приходил профессор К.В. Анохин, он спрашивал наше мнение — ему интересно, что философы думают о сознании. Он чувствует, что ресурсов нейронаук, которые он хорошо знает, пока еще недостаточно. Может быть, этот вопрос когда-нибудь и решится даже без участия философии, но важно то, что философия открывает этот вопрос. Постановка некоторых вопросов бывает важнее, чем некоторые ответы. Вспомните, когда мы переходим из третьего класса в пятый и у нас начинается алгебра, то в конце учебника даются ответы: есть задачи и есть ответы. Но в данном случае важны не ответы, а решения. Так и в философии: мы можем поставить глубокие и важные вопросы и можем даже иметь какие-то ответы, но у нас не хватает решения. И это решение может быть очень несвоевременным, может быть, оно откроется лет через двести. Это первая часть моего ответа. Вторая касает-

Ю.В. Синеокая

ся того, что вы сказали о том, что в физике нельзя придерживаться опровергнутых мыслителей. Но дело в том, что в философии почти нет опровергнутых мыслителей — те вещи, которые опровергнуты, никто не разделяет. Никто не утверждает, что все состоит из воздуха, никто не является последователем Анаксагора или Фалеса. Более того, мало сторонников Горгия, да и идеи Платона мало кто разделяет. Во всяком случае, мало кто верит в теорию идей сегодня (по статистике, таких людей немного). Великий Кант... но и у него сторонников со временем все меньше и меньше. Здесь нужно разделять: есть философы и есть темы, которые они обсуждают. И если мы видим, что решение ошибочно, конечно, мы не будем следовать за ним. А что если философия является более сложной наукой, если здесь идет нелинейное развитие? Почему мы должны этим жертвовать? Она расширяет наши границы. Так что я бы ответил на ваш вопрос очень просто. Почему так много ответов? Потому что вопросы несвоевременны.

Вопрос. Аристотель и другие древние философы претерпели, скажем так, дивергенцию, а когда будет конвергенция?

А.М. Гагинский. Конвергенция начнется тогда, когда, во-первых, руководство страны осознает, что философия нужна России, ведь финансирование науки сокращается. Мы платим хорошие зарплаты военным, а ученым — плохие. Поэтому конвергенция начнется нескоро. Во-вторых, процесс обсуждения этого уже происходит. Вот есть наука синергетика, которая стремится упорядочить знания. Все чувствуют, что атомизация знаний непродуктивна, не плодотворна для науки в целом. Сегодня трудно быть энциклопедистом, но это осознается как кризис. Поэтому сейчас предлагаются гипотезы, как можно упорядочить знание. То есть конвергенция теоретически возможна, и если ставить такую задачу и направлять развитие науки с учетом этой поправки, то когда-нибудь это станет реальным. Ваш вопрос смотрит в будущее.

Вопрос. Есть мнение, что сегодня часть функций философии перешла к ученым. Может быть, утрируя, философия должна сейчас стать служанкой науки? Более строго, философ должен знать больше, чем ученый.

А.М. Гагинский. В чем трудность современной философии? Наука очень быстро развивается, причем это экспериментальная наука, тогда как философия — наука теоретическая, созерцательная. Именно поэтому ей тяжело соперничать с экспериментальной наукой. Философия же исходит из глубинных начал, которые невозможно доказать. И философия занята тем, что она находит эти аксиомы, проблематизирует, переформулирует. Приведу конкретный пример: здравый смысл подсказывает, что пространство и время находятся вне нас; пришел Кант и сказал, что это иллюзия. Выясняется, что любую аксиому можно проблематизировать таким образом, что она заново станет плодотворной.

Вопрос. Вы сказали, что теорию идей Платона или совсем не поддерживают, или поддерживают частично. Но как вообще возможно опровергнуть его “миф о пещере”?

А.М. Гагинский. Теория идей настолько проблематична и складывается из таких простых оснований, что я не знаю ни одного современного философа, который бы полагал, что все, что мы видим, является отражением неких идей, которые находятся в Гиперурии. Просто статистически это так. Кроме того, эта теория очень сложна, ее трудно объяснить студентам, трудно понять. Но даже если прорваться сквозь эти трудности, то мы увидим, что она недостаточно когерентна, что она не объясняет некоторых вещей, динамики мира и сама в себе содержит такие вопросы — что уже Платон осознавал, — которые невозможно разрешить. Собственно, поздние диалоги Платона, например первая часть “Парменида”, посвящены попытке решить эти трудности. И, как отмечает Джон Диллон, Платон не преподносил свою теорию идей как законченную доктрину, но понимал ее как инструмент, который может помочь нам объяснить реальность. Если мы сможем найти инструмент лучше, пожалуйста, нужно предпочесть его, потому что истина дороже. Вторая часть вашего вопроса — о “пещере”. Это символ, конечно, красивый и важный образ, но насколько он соответствует действительности? Тому, что мы знаем о современной антропологии, физике, биологии? Если мы рассматривает философию изнутри Платона, то “пещеру” нельзя опровергнуть. В общем, я не знаю, как можно оставаться платоником после Аристотеля. Это моя точка зрения.

Ю.В. Синеокая. Ну что же, тогда заключительное слово?

Н.П. Волкова. Спасибо, Юлия Вадимовна, за возможность выступить в рамках проекта “Реплики”. Спасибо слушателям и участникам дискуссии за эту беседу.

А.М. Гагинский. Спасибо, что выдержали нашу беседу. Мне было очень интересно принять участие в этом диалоге, потому что, как мне кажется, мы смогли начать диалог. Это не были два монотонных монолога. И я все-таки хочу сказать насчет прогресса. В философии есть прогресс, но он, подобно эволюции, настолько незаметен, что его трудно зафиксировать. Но тем не менее отрицать прогресс в философии — значит отрицать, что обезьяна отличается от человека. А отрицать философию, значит открывать врата скуке, которая может нагрязнать.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое!

Литература

1. *Аристотель.* Собр соч. В 4 т. М.: Мысль, 1976–1984.
2. *Ахутин А.В.* Чтение Тезета // Поворотные времена. М.: Наука, 2005.
3. *Платон.* Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994.